

Доди Смит

101

далматинец

Сумка чудес

Доди Смит

101 далматинец

«РИПОЛ Классик»

1956

УДК 82-053.2
ББК 84(4Вел)6-44

Смит Д.

101 далматинец / Д. Смит — «РИПОЛ Классик», 1956 — (Сумка чудес)

ISBN 978-5-386-14820-1

У пары далматинских догов Понго и Миссис случилось необыкновенное пополнение в семье – пятнадцать прекрасных щенков. Малыши радовали всех, особенно они приглянулись коварной Круэлле де Вил, большой любительнице мехов и роскошных шубок. Злодейка крадет щенков, а Миссис и Понго без раздумий отправляются в путь, чтобы спасти своих детей. Когда же опасное приключение осталось позади, домой вернулся ни много ни мало сто один далматинец. История, написанная английской писательницей Доди Смит больше полувека назад, легла в основу одного из лучших и практически «вечных» мультфильмов.

УДК 82-053.2
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-14820-1

© Смит Д., 1956
© РИПОЛ Классик, 1956

Содержание

Глава 1. Счастливые супруги	6
Глава 2. Щенки	12
Глава 3. Пэдди	17
Глава 4. Два визита Круэллы де Вил	23
Глава 5. Так и знай, так и знай, пес всегда поднимет лай!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Доди Смит

101 далматинец

© Издание на русском языке. Storyside, 2022

© Dodie Smith, 1956

© Перевод на русский язык. Татьяна Чернышева, 2022

© Лыткин А. М., иллюстрации, 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1. Счастливые супруги

Не так давно жили в Лондоне молодые супруги, далматинские доги по имени Понго и Миссис Понго. (После замужества Миссис стала Миссис Понго, однако все вокруг продолжали по привычке называть ее просто Миссис.) У этой молодой пары жила другая молодая пара – англичане по имени мистер и миссис Душечки. Быть хозяевами такой пары доставляло далматинцам одно удовольствие, поскольку люди они были мягкие, послушные и необыкновенно умные – временами не глупее собак. Например, они отлично знали собачьи слова: «Открой, пожалуйста, дверь», или «Закрой, пожалуйста, дверь», или «Где обед?», или «Не пора ли нам прогуляться?». А если чего-то не понимали, то всегда старались угадать, почему на них смотрят таким томным взглядом или зачем царапают лапой пол. Подобно многим своим собратьям, избалованным хозяевами, мистер и миссис Душечки считали, будто главные в доме они. Но далматинцев это нисколько не раздражало, а лишь умиляло и трогало, и они не мешали своим любимцам думать так, как им нравится.

У мистера Душечки была своя контора в Сити, и он замечательно разбирался в арифметике. Люди нередко говорили, будто в области финансов мистер Душечка творит чудеса – это совсем не то же самое, что чудеса в области магии, хотя со стороны иногда выглядит почти одинаково. К тому времени, когда началась наша история, мистер Душечка успел необыкновенно разбогатеть, причем по совершенно необыкновенной причине. Он умудрился оказать Правительству большую услугу (кажется, избавил его от Государственного Долга), за что в награду был до конца своих дней освобожден от уплаты налогов. Кроме этого, Правительство одолжило ему очаровательный домик на Большом кольце Риджент-парка, как раз такой, какой требуется человеку, чтобы поселиться в нем вместе с женой и двумя далматинцами.

До свадьбы мистер Душечка вместе с Понго жили на холостяцкой квартире, и за ними присматривала старая няня мистера Душечки по имени Нанни Мажордом. И миссис Душечка вместе с Миссис до свадьбы тоже жили на холостяцкой квартире (к сожалению, нет пока специального слова, которым можно было бы называть квартиру незамужней женщины), а за ними присматривала старая няня миссис Душечки по имени Нанни Повар. Собаки познакомились в тот же день, что их питомцы, и вскоре обе пары одновременно объявили о помолвке, радость которой, однако, несколько омрачалась тревогой за нянь. Даже если все сложилось бы хорошо, то есть если со временем у Душечек родилась бы двойня и каждая снова получила бы по воспитателю, все равно – до тех-то пор чем им было заниматься? Обе они, конечно, умели неплохо приготовить и подать, например, блюдо под названием «специальное вареное яйцо для ужина у камина», однако ни мистер, ни миссис Душечки и представить себе не могли, чтобы отдать им на попечение свой милый домик возле Риджент-парка, где они намеревались не только сами обедать, но и звать на обед гостей.

Однако вскоре после помолвки произошло вот что. Нанни Повар и Нанни Мажордом познакомились и быстро друг друга полюбили, хотя поначалу обе испытывали некоторую ревность. Но потом они стали часто видаться и то и дело подшучивать над своими фамилиями. И однажды Нанни Повар сказала:

– Очень жаль, что на самом-то деле мы не умеем готовить и вести хозяйство.

– Ну да, а ведь именно это сейчас нужно нашим детям больше всего, – сказала Нанни Мажордом.

Как раз в эту минуту им в голову пришла Блестящая Мысль: Нанни Повар научится готовить, а Нанни Мажордом – хозяйничать. Начать учиться они решили на следующий же день, чтобы выучиться до свадьбы.

– Вам придется освоить еще и обязанности горничной, – сказала Нанни Повар.

– Ни в коем случае, – сказала Нанни Мажордом. – Фигура у меня совершенно для этого неподходящая. К тому же настоящий мажордом должен только присматривать за порядком, вот я и буду присматривать за мистером Душечкой, и тут мне не нужна никакая специальная подготовка, так как я занимаюсь этим с того самого дня, когда он появился на свет.

Потому, когда оба семейства – Понго и Душечек – вернулись из свадебного путешествия в домик, выходящий окнами на Риджент-парк, обе Нанни встретили их на пороге, совершенно готовые к исполнению новых обязанностей.

Правда, увидев Нанни Мажордом в брюках, все четверо несколько удивились.

– Может быть, вам больше пошло бы скромное черное платье с передничком? – спросила миссис Душечка осторожно, поскольку это была не *ее* Нанни.

– Мажордомов в юбке не бывает, – твердо ответила Нанни Мажордом. – Впрочем, передник я завтра себе найду. Он придаст моему костюму некоторую оригинальность.

И действительно, он придал.

На следующий день обе Нанни заявили, что не хотят больше, чтобы их называли неправильно, то есть по имени, потому что получается, будто их называют, как раньше, будто бы «няннями»; а хотят, чтобы их называли правильно, то есть по фамилии. Однако, если повара еще и можно позвать: «Повар», то, обращаясь к мажордому, сказать ему «Мажордом» невозможно – что нельзя, то нельзя, – и в конце концов обе старые няньки смирились с тем, что Душечки продолжали звать их по-прежнему, обращаясь к ним: «Нанни, дорогая».

В скором времени после того, как счастливые собаки и не менее счастливые Душечки вернулись из свадебного путешествия, произошло событие. Миссис Душечка вместе с Понго и Миссис пошли на прогулку и дошли до самого парка Сент-Джон-Вуд, где заглянули в гости к своему старому другу Прекрасному Ветеринару. После чего миссис Душечка принесла домой важную новость – Миссис и Понго скоро станут родителями. И щенки появятся на свет через месяц.

Обе Нанни немедленно накормили Миссис дополнительным обедом, чтобы та не дай Бог не ослабела, а заодно с ней и Понго, чтобы тот не дай Бог не почувствовал себя сиротой (как порой чувствуют себя другие будущие отцы), после чего собаки улеглись отдыхать на самом лучшем в доме диване. А когда мистер Душечка вернулся с работы, Понго и Миссис как раз успели как следует выспаться и захотели прогуляться.

– Ради такого случая не пойти ли нам на прогулку всем вместе? – предложил мистер Душечка, услышав прекрасную новость.

Нанни Повар сказала, что до обеда все равно далеко и делать ей нечего, а Нанни Мажордом сказала, что небольшая физическая нагрузка ей только на пользу, потому они и направились в сторону Большого кольца «все вместе».

Шли они так. Впереди двигались Душечки – миссис Душечка, в очень красивом развевающемся зеленом костюме, купленном в приданое, и мистер Душечка, в специальном собачьем прогулочном твидовом пиджаке. (Лицо у мистера Душечки было не слишком красивое, зато смотреть на него никогда никому не надоедало.) Следом шагали Понго и Миссис – оба великолепные, оба заслуживавшие золотых медалей, которые они наверняка получили бы, если бы мистер Душечка не считал выставки процедурой чрезвычайно утомительной для собак, ну и для него, разумеется, тоже. У обоих были крупные головы, мощная грудь, сильные ноги и прямые хвосты. Пятна у них были все яркого черного цвета, на голове, ногах и на хвосте маленькие, а на боках и спине с двухшиллинговую монету. Нос и очки вокруг глаз тоже были такие же черные. Миссис шла с очень важным видом. А у Понго вид был такой, как всегда, – будто он вот-вот напроказничает, хотя Понго уродился на свет до того умным, что вполне мог бы руководить даже людьми. Тем не менее он, как и Миссис, вел себя с большим достоинством, и оба они позволяли Душечкам братья за поводки только на перекрестках. Завершали процессию Нанни Повар (толстенькая) в своем белом рабочем халате и Нанни Мажордом (потолще) в отлично сшитом смокинге, в брюках и тончайшем переднике с рюшечками.

Стоял прекрасный сентябрьский вечер, тихий и совершенно безветренный. Солнце заливало золотыми лучами деревья и выходившие на парк старые, выкрашенные кремовой краской дома. Воздух был полон звуков. Но все звуки – и крики детей, игравших в парке, и шум автомобилей на Большом кольце – казались тише чем обычно, будто бы теперь они присмирели от вечернего мягкого света. Птицы распевали перед сном последние вечерние песни, а в доме возле дороги, где жил один великий композитор, кто-то играл на рояле.

– Я навсегда запомню эту прогулку, – сказал мистер Душечка.

И в ту же минуту тишину разорвал необыкновенно пронзительный автомобильный гудок. По дороге быстро проехала огромная черная машина. И остановилась возле большого дома, к которому они только что подошли. На крыльце появилась высокая женщина. На ней было узкое, изумрудного атласа платье с рубиновым ожерельем в несколько рядов и совершенно простенькое белое норковое манто, доходившее до самых туфель рубиново-красного цвета с высокими каблуками. У женщины была смуглая кожа, черные глаза, в которых то и дело вспыхивали красноватые огоньки, и очень острый нос. Волосы были разделены на прямой пробор, и одна половина головы была черная, другая – белая, что выглядело весьма необычно.

– Надо же, Круэлла де Вил собственной персоной, – сказала миссис Душечка. – Мы учились с ней вместе в школе. Но она повадилась пить чернила, и ее быстро выгнали.

– По-моему, твоя соученица несколько слишком экстравагантна, – сказал мистер Душечка и хотел было повернуть обратно. Однако высокая женщина тоже заметила миссис Душечку и уже сошла со ступенек, направляясь к ним поздороваться. Миссис Душечке пришлось познакомиться ее с мужем.

– Зайдите же познакомьтесь и с моим мужем, – сказала высокая женщина.

– Но ведь ты собиралась куда-то ехать, – ответила миссис Душечка, бросив взгляд на шофера, который уже распахнул дверцу большой машины и стоял в ожидании хозяйки. Машина была черная в белую полосу – тоже весьма необычная.

– Я никуда не спешу. И настоятельно прошу вас зайти.

Обе Нанни сказали, что им пора заняться обедом, и предложили отвести домой собак, но высокая женщина сказала, что собаки должны остаться.

– Они прекрасны. Я хочу непременно показать их своему мужу, – сказала она.

– Какая теперь у тебя фамилия, Круэлла? – спросила миссис Душечка, пока они переходили из зеленого мраморного вестибюля в красную мраморную гостиную.

– Как и раньше: де Вил. Я последняя в нашем роду, так что, когда я вышла замуж, то фамилию переменял муж.

В этот момент совершенно простенькое белое норковое ее манто соскользнуло на пол. Мистер Душечка нагнулся и поднял его.

– Отличное манто, – сказал он. – Но не слишком ли в нем сегодня жарко?

– Мне никогда не бывает *слишком* жарко, – сказала Круэлла. – Я хожу в мехах круглый год. А сплю на постели из горностая.

– Как мило, – вежливо сказала миссис Душечка. – Легко ли он стирается?

Круэлла, кажется, не расслышала этого вопроса. И продолжала:

– Обожаю меха. Жить без них не могу. Потому я и вышла замуж за меховщика.

В этот момент в гостиной появился мистер де Вил. Это был маленький человечек с озабоченным личиком, и по нему сразу было видно, что он меховщик. Круэлла представила его, а потом спросила:

– А где же ваши замечательные собаки?

Надо сказать, к этому моменту Понго с Миссис, сидевшие под роялем, успели изрядно проголодаться. Красный мрамор на стенах цветом напомнил им сочные кусочки свежего мяса.

– Они ждут щенков, – радостно сказала миссис Душечка.

– Неужели? Вот и прекрасно! – сказала Круэлла. – Ну-ка, собачки, подойдите ко мне!

Понго и Миссис из вежливости подошли.

– Из них вышло бы отличное манто, – сказала, обращаясь к мужу, Круэлла. – Я носила бы его весной, с черным костюмом. Как-то мы упустили из виду, что можно сшить что-нибудь из собак.

Понго грозно залаял.

– Понго, дорогой, Круэлла всего-навсего пошутила, – сказала миссис Душечка, потрепав его по спине. И повернулась к Круэлле: – Иногда кажется, будто они понимают все, до единого слова.

На самом же деле миссис Душечка так не думала. А собаки действительно поняли все.

То есть всё понял Понго, а Миссис поняла не всё. Но шутка ей не понравилась. Понго же не на шутку рассердился. Сказать такое в присутствии его жены, когда она ждет щенков! Однако его утешило то, что Миссис несколько не испугалась.

– Вы непременно должны прийти к нам на обед... В субботу, – сказала Круэлла, обращаясь к миссис Душечке.

Та хотела было отказаться, но не вспомнила ни одной уважительной причины, и пришлось принять предложение. Говорить неправду миссис Душечка не умела. Зато она тут же добавила, что надолго отрывать хозяев от дел им неловко и потому они уже уходят.

В вестибюле мимо них прошмыгнула очень красивая персидская кошка и быстро побежала вверх по лестнице. Мистер Душечка пришел от нее в восторг.

– У меня она не вызывает ровным счетом никакого восторга, – сказала Круэлла. – Если бы эта паршивка не стоила кучу денег, утопила бы, да и всё тут.

Кошка остановилась, повернула голову в сторону хозяйки и сердито зашипела. Может быть, на Понго и Миссис, а может быть, и не на них.

– Хотите, я продемонстрирую свой новый автомобильный сигнал? – сказала Круэлла, когда они уже вышли из дому и спускались по ступенькам. – Самый громкий сигнал во всей Англии.

Она сунула руку в окошко, отстранила шофера и с силой нажала на клаксон. Клаксон взревел так, что Понго с Миссис едва не оглохли.

– Милые собачки, очень милые, – сказала им Круэлла, отпустив клаксон и садясь в свой полосатый черно-белый автомобиль. – До чего вы подходите к моему автомобилю... Да и к волосам...

Шофер накрыл ноги Круэллы накидкой из соболя, и полосатый автомобиль тронулся с места.

– Эта машина смахивает на зебру, – сказал мистер Душечка. – Твоя подружка и в школе была такая черно-белая?

– Она никогда не была моей подружкой, я всегда ее побаивалась, – сказала миссис Душечка. – А волосы да, всегда такими и были. Косичка черная, косичка белая.

Мистер Душечка решил, что ему очень повезло жениться не на Круэлле, а на миссис Душечке. И пожалел господина де Вила. А Понго и Миссис пожалели белую кошку.

К тому времени угас вечерний золотой свет, наступили голубые сумерки. Парк почти опустел, парковый сторож где-то вдалеке кричал: «Все на выход, все на выход!» От нагретых солнцем газонов слабо пахло скошенной травой, от озера тянуло водой и тиной. Правительственные учреждения, располагавшиеся вдоль Большого кольца, закрылись на ночь. Во всех окнах было темно. Но в домике Душечек ярко светились приветливые огоньки. И вскоре Понго и Миссис с наслаждением вдохнули восхитительный запах еды. Понравился он и Душечкам.

Проходя мимо кухни, они заглянули в окошко сквозь прутья железной ограды. Кухня у них, хоть и помещалась в подвале, была вовсе не темная. Дверь и два окна выходили в крошечный мощный дворик, какие часто встречаются в старых лондонских домах. Правильное их название – «участок». Вверх на улицу оттуда ведут узкие лесенки.

Глядя через окно в ярко освещенную кухню, Душечки и собаки одновременно подумали, до чего она уютная. Белые стены, красноватый линолеум, фарфоровый сервиз в буфете, белый в синюю крапинку. Главным украшением здесь были новая совершенно необыкновенная электрическая плита, купленная на радость Нанни Повар, и совершенно старый обыкновенный камин, оставленный на радость и Нанни Повар, и Нанни Мажордом, потому что обе они любили посидеть у огня. Сейчас Нанни Повар хлопотала возле плиты, а Нанни Мажордом загружала тарелки в подъемник, чтобы подать их наверх в столовую точь-в-точь так, как в кино. Перед камином стояли собачьи корзинки с подушками. А в углу собак ждали две сверкающие миски, полные отличной еды.

– Надеюсь, Миссис не слишком устала от долгой прогулки, – сказал мистер Душечка, открывая дверь французским ключом.

Миссис захотелось сказать в ответ, что никогда в жизни она еще не чувствовала себя бодрее. Но так как говорить она не умела, то решила это *показать* и, весело помахивая хвостом, ринулась в кухню. За ней следом навстречу сытному ужину и мирному тихому отдыху возле огня рядом со своей прекрасной женой рванулся и Понго.

– Жалко, у нас нет хвостов, – сказал мистер Душечка.

Глава 2. Щенки

Круэлла де Вил принимала гостей в столовой, где стены были из черного мрамора, а стол из белого. Обед у нее оказался тоже весьма необычный. Суп подали темно-пурпурный. Но на вкус в нем был только перец!

Рыбу подали ярко-зеленую. Но и в ней тоже был только перец!

Мясо подали бледно-голубое. В нем тоже был только перец!

Перченое было всё, даже мороженое, которое оказалось черного цвета.

Других приглашенных не было. После обеда, когда хозяева и гости перешли в красную мраморную гостиную, где в огромном камине горел огонь, мистер и миссис Душечки изо всех сил старались вести себя вежливо и дышать носом, хотя во рту пекло невыносимо. Впрочем, мистер де Вил дышал тоже довольно тяжело.

Круэлла, в атласном рубиновом платье с изумрудным ожерельем в несколько рядов, придвинулась к огню ближе всех.

– Подправь, пусть полыхнет, – сказала она мистеру де Вилу.

Мистер де Вил подправил огонь, и в камине взметнулись такие высокие языки, что, наверное, вылетели из трубы – как подумали Душечки.

– Ах как хорошо, ах как хорошо! – сказала Круэлла, от восторга захлопав в ладоши. – Жаль только, что это всегда ненадолго.

Едва пламя начало оседать, она обхватила себя за плечи и задрожала от холода, хотя так и сидела в своем совершенно простеньком белом норковом манто.

Когда приличия были соблюдены, мистер и миссис Душечки поднялись и ушли и весь путь до Большого кольца хватали ртом холодный воздух.

– Что за странное имя «де Вил», – сказал мистер Душечка. – Что-то оно мне напоминает... Как-то странно звучит... Де Вил, де Вил... Дьявол! Может быть, она и впрямь исчадие ада? Может быть, именно потому и любит все, что погорячей?

Миссис Душечка улыбнулась: она, конечно, поняла, что мистер Душечка шутит.

А потом сказала:

– Ах, милый! Теперь, когда мы пообедали у них, мы обязаны пригласить их к себе. К тому же мы задолжали обед и другим знакомым. Давай-ка устроим его, пока у Миссис не появились щенки... Боже мой, а это еще что такое?

Ног ее коснулось что-то мягкое.

– Кошка Круэллы, – сказала миссис Душечка. – Ну-ка, иди домой, кошка. Потеряешься!

Но кошка двинулась следом за ними и дошла до самого дома.

– Кажется, она голодная, – сказала миссис Душечка.

– Ничего удивительного, если, конечно, она еще не привыкла к перцу, – сказал мистер Душечка, у которого еще жгло в горле, и он то и дело раскрывал рот пошире.

– Погладь ее, а я схожу что-нибудь принесу, – сказала миссис Душечка.

Она спустилась по лестке и на цыпочках, чтобы не разбудить спавших Понго и Миссис, вошла в кухню. И вскоре снова появилась на улице с блюдцем молока и банкой сардин. Белая кошка быстро съела сардинки, быстро выпила молоко и направилась напрямик к ступенькам.

– Она что, решила у нас остаться? – сказал мистер Душечка.

Судя по всему, именно так и было. Однако в эту минуту проснулся и громко залаял Понго. Белая кошка стремительно развернулась и исчезла в ночной темноте.

– Вот и хорошо, – сказал мистер Душечка. – Иначе Круэлла наверняка обвинила бы нас в краже.

Мистер Душечка вместе с женой спустились в кухню, получив от Понго полную порцию восторженных приветствий. Миссис тоже проснулась и тоже обрадовалась. И они посидели все

вместе на коврике перед камином и сидели до тех пор, пока миссис Душечка не вспомнила, что мистеру Душечке не полагается обниматься с собаками в парадном костюме, иначе на нем останется белая шерсть.

Прошло недели три, и наконец, в один прекрасный день, Миссис повела себя очень необычно. Она обследовала в доме каждый уголок, а особенно тщательно кладовки, шкафы и коробки. Больше всего ее заинтересовал большой стенной шкаф рядом со спальней. Обе Нанни держали там свои щетки и ведра, и шкаф был забит до отказа. Всякий раз, когда Миссис пыталась туда забраться, содержимое его со страшным грохотом вываливалось на пол, а Миссис очень огорчалась.

– Боже мой, кажется, она хочет, чтобы щенки родились именно здесь, – сказала Нанни Повар.

– Миссис, милая, только не в этом пыльном темном шкафу, – сказала Нанни Мажордом. – Тебе нужен свет и воздух.

Однако Душечки позвонили по телефону и посоветовались с Прекрасным Ветеринаром, а тот сказал, что, наоборот, Миссис нужно небольшое, закрытое помещение, где она почувствовала бы себя в безопасности, и уж коли ей приглянулся шкаф для щеток, то пусть будет шкаф для щеток. И лучше вселить ее туда как можно скорее, чтобы она успела освоиться на новом месте до появления щенков, хотя, конечно, можно не торопиться, потому что в запасе у них остается еще несколько дней.

После этого щетки и ведра были из шкафа выдворены, а Миссис – к ее величайшему удовольствию – водворена. Понго, правда, немного обиделся, потому что тоже решил было переселиться туда же, а его не пожелали впустить, однако Миссис объяснила ему, что собаки, которые ждут появления щенков, любят, чтобы никто их не беспокоил, и в конце концов он нежно лизнул ее в ухо и смирился.

– Надеюсь, мы не побеспокоим Миссис своим званым обедом, – сказал мистер Душечка, вернувшись домой и обнаружив Миссис в шкафу. – Скорее бы он уже прошел.

Обед был назначен на тот же вечер. Поскольку гости ожидались разные, то еду приготовили самую обычную, однако перед приборами Круэллы и мистера де Вила миссис Душечка поставила большие перечницы. Круэлла сыпала себе перец в тарелки так, что зачихали соседи, зато мистер де Вил к нему даже не прикоснулся. И ел с куда большим аппетитом, чем дома.

Круэлла как раз посыпала перцем фруктовый салат, когда вошла Нанни Мажордом и шепотом что-то сказала на ухо миссис Душечке. Миссис Душечка испугалась, попросила у гостей извинения и заспешила из комнаты. Через несколько минут Нанни Мажордом снова появилась в столовой и шепотом что-то сказала на ухо мистеру Душечке. Мистер Душечка тоже испугался, попросил извинения и тоже заспешил из комнаты. Не чихавшие гости завели между собой вежливую беседу. Но тут в третий раз в столовой появилась Нанни Мажордом:

– Леди и джентльмены, – театрально сказала она, – щенки решили появиться на свет раньше, чем их ожидали. Мистер и миссис Душечки просят вас вспомнить о том, что сегодня Миссис станет матерью впервые в жизни. Ей нужен абсолютный покой.

Мгновенно в столовой наступила тишина, которую нарушил только чей-то сдержанный чих. Потом гости поднялись, шепотом произнесли тост за здоровье молодой матери и на цыпочках удалились.

Все, кроме Круэллы де Вил. Та осталась стоять в прихожей, дождалась, когда Нанни Мажордом закроет дверь за гостями, и громко спросила:

– Где щенки?

Нанни Мажордом и не подумала ей отвечать, но тут наверху послышались голоса, и Круэлла сама побежала бегом вверх по лестнице. На этот раз она была одета в черное атласное платье с жемчужным ожерельем и в то же самое совершенно простенькое белое норковое манто.

Круэлла куталась в него весь вечер, хотя в столовой было тепло и перец был отличный и жег горло немилосердно.

– Мне *непременно* нужно увидеть щенков, – крикнула она.

Дверь шкафа была немного приоткрыта. Душечки сидели внутри вместе с Миссис, чтобы той было спокойнее. Три щенка успели родиться без них, а обнаружила это Нанни Мажордом, которая принесла питательный куриный бульон, приготовленный специально для Миссис.

Круэлла широко распахнула дверь шкафа и уставилась на щенков.

– Дворняжки! Белые, ни одного пятнышка! – воскликнула она. – Немедленно утопить!

– Далматинцы всегда рождаются белые, – сказал мистер Душечка Круэлле, сверкнув ослепительной улыбкой. – Пятнышки появляются позже.

– И даже если бы они оказались дворняжки, мы ни за что их не утопили бы, – возмущенно сказала миссис Душечка.

– Подумаешь, – сказала Круэлла. – Лично я столько утопила котят, что уже и не помню. Моя мерзкая кошка всегда себе выбирает какого-нибудь уличного бродягу, а выкармливать это ее отродье нет никакого смысла.

– Но ты ведь оставляла ей хоть одного котенка? – сказала миссис Душечка.

– Если бы оставляла, у меня в доме от них шагу некуда было бы ступить, – сказала Круэлла. – Значит, вы уверены, что эти отвратительные крысеныши действительно чистокровные далматинцы?

– Совершенно уверены, – рявкнул мистер Душечка. – А теперь хватит, пожалуйста, оставьте нас. Такой разговор может огорчить Миссис.

Миссис и впрямь уже огорчилась. Несмотря на присутствие Душечек, готовых в любую минуту встать на ее защиту, под тяжелым взглядом этой высокой женщины с черно-белыми волосами ей стало жутковато. И жалко бедную кошку, потерявшую столько своих детей. Материнское горе не забывается. (Позже у Миссис появится повод порадоваться тому, что она и впрямь ничего не забыла.)

– Когда щенков забирают от матери? – спросила Круэлла. – Это я на случай, вдруг надумаю купить себе парочку?

– Через семь или восемь недель, – сказал мистер Душечка. – Но, к сожалению, наши щенки не продаются.

С этими словами он закрыл дверь шкафа перед самым носом Круэллы, а Нанни Мажордом сурово повела ее к выходу.

Нанни Повар позвонила Прекрасному Ветеринару, однако, как оказалось, тот уехал по вызову. Жена его сказала, что передаст все сразу, как только муж вернется, и что не о чем беспокоиться – судя по всему, Миссис прекрасно справится и сама.

Она оказалась права. Вскоре на свет появился четвертый щенок. Миссис его вымыла, мистер Душечка вытер, а миссис Душечка дала Миссис теплого молока. После чего щенка положили в корзинку, где уже лежали три первых, а корзинку поставили так, чтобы Миссис их было видно. Потом родился пятый щенок. Потом шестой... и седьмой.

Ночь подходила к концу. Восемь щенков, девять! Пожалуй, на первый раз этого было достаточно. У далматинских догов редко за один раз рождается больше детей. Десять щенков! Одиннадцать!

Потом появился двенадцатый, и этот на вид отличался от других. Кожа, просвечивавшая сквозь белую шерстку, была не розового, а нездорового желтоватого оттенка. И он не брыкался, а лежал неподвижно. Обе Нанни, сидевшие возле шкафа, сразу сказали, что щенок мертвый.

– Но их и так уже столько, что мать и не заметит, – успокоила всех Нанни Повар. Мистер Душечка поднял на руки крохотное создание и печально его оглядел.

– И минуты не пожил на этом свете, какая несправедливость, – сказала миссис Душечка, а на глаза у нее навернулись слезы.

Тут мистер Душечка вдруг вспомнил, что когда-то что-то такое читал. Он принялся делать щенку массаж, потом аккуратно обернул полотенцем. И вдруг... сначала порозовела кожаца вокруг носа, потом тельце, покрытое редкой белоснежной шерсткой. Потом дернулись ножки! Потом щенок открыл ротик! А потом он ожил!

Мистер Душечка быстро положил его Миссис под бок, а та сразу же его покормила, и так он и лежал и сосал молоко, пока не появился следующий щенок – что произошло довольно скоро. Щенков стало тринадцать!

Незадолго перед рассветом на двери зазвенел звонок. Это пришел Прекрасный Ветеринар, всю ночь просидевший возле собаки, которую сбила машина. К тому времени все щенки уже родились, и Миссис кормила завтраком первую восьмерку – больше за один раз не получалось.

– Великолпно! – сказал Прекрасный Ветеринар. – Потрясающая семейка. А как себя чувствует отец?

Душечкам стало стыдно. С тех пор как они занялись щенками, то и думать забыли про Понго.

Всю ночь он провел запертый в кухне, в одиночестве меряя ее шагами. Всю долгую ночь бедный пес ходил по ней взад и вперед и только один раз услышал, как идут дела наверху, – когда Нанни Повар пришла за кофе и бутербродами. Тогда-то она и сказала, что с Миссис все в порядке, – да и то только шутки ради, потому что была уверена, будто он ничего не понимает.

– Бедный Понго, пора его сюда позвать, – сказала миссис Душечка.

Прекрасный Ветеринар на это заметил, что обычно собачьи мамы не любят, чтобы собачьи папы присутствовали при рождении щенков. Однако в эту минуту раздался топот собачьих ног, и Понго, промчавшись по натертому полу прихожей, быстро ринулся вверх по лестнице, одолевая по четыре ступеньки зараз. Это Нанни Повар, спустившаяся в кухню, чтобы приготовить чай Прекрасному Ветеринару, на секунду оставила дверь открытой, и тут-то изнервничавшийся отец и вырвался на свободу.

– Осторожнее, Понго, – сказал Прекрасный Ветеринар. – Это может ей не понравиться.

Но Миссис только слабо застучала хвостом. «Ступайте все вниз, позавтракайте, а потом хорошенько выпитесь», – сказала она, хотя никто, кроме Понго, ее не понял.

Собаки поговорили – глазами и хвостами, и Понго рассказал обо всем, что чувствовал в эту ночь, и еще добавил, что очень любит и ее, и этих восьмерых малышей, которые приступили к первому в жизни завтраку, и тех, других, которые ждут своей очереди в корзинке... Кстати, сколько же их всего?

– Жаль, что собаки не умеют считать, – сказала миссис Душечка.

Однако Понго считал отлично. Вниз он спускался с гордо поднятой головой, и темные прекрасные его глаза светились по-новому. Это он гордился женой, и собой, и тем, что они произвели на свет пятнадцать прекрасных щенков.

Глава 3. Пэдди

А теперь, – сказал Прекрасный Ветеринар, – вам придется искать кормилицу. И объяснил, что если Миссис станет сама кормить всех щенков, то исхудает и быстро переутомится. К тому же сильные щенки будут всегда отталкивать слабых, и в результате те ослабеют еще больше. А тем, и тем более малышу, которого вернул к жизни мистер Душечка, требуются дополнительные уход и кормежка.

Самый крупный в семействе щенок родился с черным пятном на ухе. Для далматинцев, которые – как и сказал Круэлле мистер Душечка – должны появляться на свет без пятен, это непростительный недостаток. Некоторые хозяева и впрямь утопили бы такого щенка, потому что тут явно проявился брак породы. Но Душечки пожалели щенка за невезучесть и немедленно полюбили. (К тому же им даже понравилось, что щенок отличается от остальных. Щенки, кроме слабенького двенадцатого, были все на одну мордашку, как это и бывает у далматинцев, и в первые три недели их невозможно отличить друг от друга.)

Прекрасный Ветеринар сказал, что в кормилицы нужно взять какую-нибудь бедную собачку, которая лишилась детей. Он думал, что сможет помочь им найти ее. Однако был не уверен и потому посоветовал на всякий случай позвонить в Приют потерянных собак. А до тех пор, пока кормилицы нет, самим кормить щенков, которых не сможет накормить Миссис, – либо из кукольной бутылочки, либо из баллончика для заправки автоматических ручек.

Потом Прекрасный Ветеринар ушел домой, чтобы успеть до начала нового рабочего дня хоть часок поспать.

Нанни Повар занялась завтраком, а Нанни Мажордом собралась вывести Понго. Вместе они уговорили и Миссис, ненадолго оставив детей, присоединиться к компании. Пока их не было, миссис Душечка успела навести порядок в шкафу. Миссис, вернувшись, покормила на чистой подстилке вторую партию, и потом все они там дружно и крепко уснули. Понго, переставший наконец волноваться за свое семейство, улегся в кухне тоже спокойно.

Потом миссис Душечка, дождавшись начала рабочего дня, пошла в магазин, где купила бутылочки и баллончики. Мистер Душечка вместе с обеими Нанни принялись кормить малышей по очереди. Миссис Душечке тоже хотелось повозиться со щенками, но ее отправили дозваниваться в приюты, искать кормилицу. Старые Нанни оказались чересчур толсты для сидения в шкафу и долго не просидели, так что вскоре мистер Душечка остался там в полном одиночестве, но дело пошло, и ему даже понравилось. О работе, конечно, пришлось забыть, что было не очень кстати, так как в этот день у него было важное дело.

Хорошо, что у Душечек в спальне стоял еще один телефонный аппарат, да еще с длинным шнуром, так что мистер Душечка мог хоть звонить в контору. Так он и просидел весь день в темном шкафу вместе с Миссис, пятнадцатью ее малышами и телефонным аппаратом. Правда, именно свое важное дело едва не испортил, потому что все перепутал и попытался было напоить из баллончика телефонную трубку, а к уху поднес щенка.

К счастью, он вовремя их распутал и разговор состоялся, а потом позвонил Прекрасный Ветеринар и сказал, что кормилицы нет. Не нашлось ее и ни в одном лондонском приюте, так что после обеда миссис Душечка принялась обзванивать пригороды, а потом деревни. Ближе к вечеру она нашла одно место, почти в тридцати милях от Лондона, куда как раз привели собаку, какая была им нужна. Однако прежде, чем ее забрать, по правилам полагалось несколько дней подождать на случай, если вдруг потерявшуюся бродяжку станут искать хозяева.

Мистер Душечка высунул голову из шкафа. После бессонной ночи и трудного дня он изрядно устал, однако Миссис одну без помощи не оставил и не собирался этого делать.

– Почему бы тебе не съездить, не попытаться уговорить их дать нам собаку не навсегда, а на время? – сказал он. – Пообещай, что, если вдруг найдутся хозяева, мы вернем ее немедленно.

Потому вскоре миссис Душечка вывела машину из старого каретного сарая, который находился за домом, и, полная надежд, направилась за город. Однако пока она добиралась, собаку успели и найти, и забрать. За нее миссис Душечка порадовалась, а за себя очень огорчилась: она испугалась за бедную Миссис, которой грозили истощение и переутомление, и за бедного мистера Душечку, которому грозила еще как минимум одна бессонная ночь, и ей стало страшно, вдруг кормилицы так и не будет.

К тому времени наступил мокрый, мрачный октябрьский вечер и почти стемнело. Дождь в тот день шел с самого обеда, однако по дороге из города окрыленная миссис Душечка его не замечала. Но теперь, когда надежды оказались напрасны, он нагонял на нее страшную тоску. К тому же дождь вскоре перешел в ливень, дворники почти перестали справляться, и ветровое стекло заливало потоком воды.

Дорога в город из той деревни проходила вдоль пустынного луга, и на ней не было ни людей, ни машин. Вдруг миссис Душечка заметила впереди на асфальте какой-то брошенный узел или мешок. Она сбавила скорость, а подъехав поближе, разглядела, что это собака. Сначала она, конечно, подумала, будто собака попала под машину. Заранее ужаснувшись, миссис Душечка вышла из машины.

Собака лежала будто мертвая, но когда миссис Душечка наклонилась, та попыталась встать и оказалась вовсе не ранена. Вся она с ног до головы была в грязи, так что породы миссис Душечка не разобрала. Но даже сквозь комья грязи и в темноте, при слабом свете фар видно было, насколько та истощена. Миссис Душечка тихо заговорила с бедняжкой. Собачий хвост слабо шевельнулся в ответ.

«Ее нельзя оставить на дороге, – подумала миссис Душечка. – Она, конечно, не ранена, но погибнет от голода. Ах ты боже мой!»

Миссис Душечка не собиралась брать бродяжку домой, где уже жили семнадцать собак, а решила отвезти ее в полицейский участок.

Она потрепала собаку по загривку и позвала в машину. Та попыталась было встать на ноги, но до того оказалась слаба, что ноги у нее подкосились, и пришлось миссис Душечке отнести ее в машину на руках. Собака обвисла и болталась, как полупустой мешок. Зато когда миссис Душечка укладывала ее на заднем сиденье на коврик, то вдруг кое-что заметила. И быстро-быстро включила свет. Собака оказалась кормящей мамой – несмотря на все истощение, молоко не пропало.

Миссис Душечка села за руль и на самой большой скорости, с какой только умела ездить по мокрой дороге, помчалась вперед. Вскоре они уже въезжали в пригород Лондона. Миссис Душечка знала, что в городе вечером пробки и домой они попадут не скоро, и потому остановилась возле первого же небольшого ресторанчика. Владелец ресторанчика продал ей молоко и холодное мясо, совершенно бесплатно выдав при этом две личные миски, принадлежавшие его собственному псу. Бродяжка съела и выпила все мгновенно, после чего так же мгновенно уснула. Владелец ресторанчика забрал миски и очень мило пожелал миссис Душечке самого доброго пути.

Подъехала она к дому одновременно с Прекрасным Ветеринаром, который к ним заглянул, потому что очень беспокоился из-за Миссис. Он и перенес бродяжку в теплую кухню. После тщательного осмотра Прекрасный Ветеринар пришел к выводу, что истощена эта собака вовсе не в результате кормления, а от регулярного недоедания, и значит, если ее хорошенько покормить, то, может быть, молоко не исчезнет. Он решил, что, наверное, у нее отняли одновременно всех щенков и она отправилась их искать и заблудилась.

– Нужно ее вымыть, – сказала Нанни Повар, – иначе у нас все щенки будут в блохах.

Прекрасный Ветеринар очень даже одобрил эту идею. Собаку отвели в небольшую комнату в подвальном этаже, приспособленную под прачечную, где Нанни Повар принялась мыть гостью, потирая ее изо всех сил и приговаривая, что неровен час мистер Душечка спу-

стится и захочет сам ее вымыть. А миссис Душечка поднялась тем временем наверх рассказать мужу о новостях.

Теплая вода, казалось, понравилась бродяжке. Она спокойно стояла в большом тазу, а Нанни Повар старательно ее намыливала, и тут с прогулки вернулись Понго и Нанни Мажордом, и Понго вбежал в открытую дверь прачечной.

– Понго никогда не обидит даму, – сказал Прекрасный Ветеринар.

– Надеюсь, что так, тем более она того и гляди станет кормилицей его крошек, – сказала Нанни Повар.

Понго встал на задние ноги, поцеловал гостью в нос, объяснив тем самым, до чего он рад с ней познакомиться и до чего благодарна будет ей его жена. (Люди ничего не услышали.) А бродяжка ответила: «Я, конечно, постараюсь сделать все, что в моих силах, однако в моем положении давать твердые обещания было бы опрометчиво». (И опять люди ничего не услышали.)

Взглянуть на новоприбывшую спустился мистер Душечка.

– Что это за порода? – спросил он.

В эту минуту Нанни Повар как раз принялась смывать мыльную пену, и тут все ахнули. Потерявшаяся бродяжка оказалась той же породы! Только пятна на ней были не черные, а коричневые – бывает такая разновидность далматинских догов.

– Восемнадцать далматинцев под одной крышей! – благоговейно сказал мистер Душечка. – Лучше и быть не может! – Он оказался неправ, и ему предстояло узнать об этом в самом скором будущем.

Мокрой коричневая далматинка показалась всем еще истощенней.

– Мы назовем ее Пердита, а коротко – Пэдди, – сказала миссис Душечка и пояснила обоим Нанни, что это в честь девочки из сказки Шекспира. – Та девочка потерялась, потом ее нашли. И назвали Пердитой, что по-латыни означает «Найденыш».

Произнеся эти слова, миссис Душечка потрепала по спине Понго и заметила, что он слушает с таким исключительно умным видом, будто все понимает. А Понго действительно все понимал. Поскольку с произведениями Шекспира был знаком с молодых когтей (тогдашний Шекспир оказался в очень вкусном кожаном переплете).

Пэдди усадили перед камином, дали обсохнуть и снова накормили. Прекрасный Ветеринар посоветовал, чтобы не пропало молоко, принести ей щенков как можно скорее, и потому, когда Пэдди окончательно высохла, наелась и выпалась, а Миссис отправилась на прогулку, двоих малышей достали из шкафа и принесли вниз. Это предложил Прекрасный Ветеринар, уверенный, что Миссис не заметит пропажи щенков, и оказался прав, поскольку Миссис считала не так хорошо, как Понго. Но Понго обо всем сразу же доложил жене, и та вежливо передала Пэдди привет. Ей было немного жаль расставаться с детьми, но она прекрасно поняла, что это необходимо для общего блага.

Перед уходом, на случай если Пэдди почему-нибудь откажется кормить, Прекрасный Ветеринар посоветовал не возвращать их матери, потому что тогда они будут пахнуть уже другой собакой и Миссис может принять их за чужаков и покусать. У обыкновенных собак иногда такое случается. Но не могло бы случиться у Миссис, потому что – как скоро станет понятно – они с Понго были совсем не обыкновенные собаки. И Пэдди тоже. И многие другие собаки тоже. Однако не все люди это понимают. Мало кто знает, что на самом деле необыкновенные собаки встречаются гораздо реже обыкновенных.

Так или иначе, Пэдди и не подумала отказываться от щенков. Понго поднялся наверх и доложил об этом Миссис. (Душечки при этом ничего, кроме стука хвоста по полу, не услышали.) Потом он пожелал жене спокойной ночи и вернулся вниз, где уже была готова его корзинка. Постель для Пэдди устроили в корзинке Миссис. Пэдди уже успела и накормить, и вымыть обоих приемышей и теперь спокойно доедала дополнительный легкий ужин. (Прекрас-

ный Ветеринар посоветовал кормить ее как можно чаще, тогда она быстрее восстановит силы.) Понго постоял рядом, чтобы гостье не было одиноко, и заодно тоже слегка перекусил. Потом обе Нанни отправились спать, погасив за собой свет, и кухня теперь освещалась только огнем в камине. Дождавшись, пока щенки покрепче уснут, Пэдди поведала Понго свою историю.

Родилась Пэдди в большом деревенском доме, неподалеку от того самого луга, где ее нашла миссис Душечка. Вскоре она узнала, что хоть на первый взгляд ничем не хуже сестер и братьев, но стоит намного дешевле, потому что и пятнышки у нее оказались поменьше, и хвост норовил свернуться в колечко (потом, когда Пэдди подросла, хвост у нее замечательно распрямился). Покупатели побогаче и поважнее от нее отказались, и потому Пэдди попала к фермеру, который был человек не злой, однако ее не любил, а далматинцы без любви жить не могут. К тому же фермер частенько отправлял ее на прогулку одну, а это опасно и вредно не только для далматинцев, но для любых собак.

Потом наступило время, когда Пэдди пора было выйти замуж. Фермеру и в голову не пришло заниматься поисками подходящего жениха, а так как дом стоял в стороне от деревни, то жилось там Пэдди очень и очень одиноко. И в конце концов она решила сама отправиться искать свое счастье.

Дорога в деревню лежала через луг. А в тот день на лугу, прямо на зеленой траве, остановилась большая красивая машина. Рядом с ней хлопотали несколько человек, собираясь устроить пикник, и тут же бегал прекрасный коричневый далматинец. Коричневые далматинцы встречаются редко. В семье Пэдди она родилась такая одна и всю жизнь считала себя уродом. Но, увидев великолепный ошейник, а главное, как роскошно одетая дама подошла и предложила такому же, в коричневых пятнах, псу здоровенный кусок цыпленка, Пэдди быстро смекнула, что это вовсе не недостаток. И в эту минуту далматинец повернул голову и встретился взглядом с Пэдди.

Он влюбился с первого взгляда. Забыв о цыпленке, мгновенно, прежде чем люди успели что-то понять и вмешаться, одним молниеносным прыжком он оказался с ней рядом, и они убежали в лес. Они быстро решили пожениться, поклявшись любить друг друга всю жизнь. После свадьбы счастливый супруг, разумеется, предложил Пэдди жить вместе одной семьей и привел обратно к машине. Но тут на дороге затарахтел мотор, и появился фермер. Фермер затолкал Пэдди в свой старый рыдван, а люди, приехавшие на пикник, вцепились в ошейник ее супруга и поволокли в машину. Собаки рвались друг к другу и лаяли во весь голос, но все было бесполезно. Машины разъехались в разные стороны.

Через девять недель у Пэдди родились восемь щенков. Фермер и не подумал тогда давать ей хоть лишний кусок, а тем более прикармливать малышей, и Пэдди все худела и худела, и через месяц от нее остались кожа да кости. Когда щенки подросли, фермер начал бросать им объедки со стола, и они быстро привыкли к новой пище, но продолжали сосать мать, а она продолжала слабеть. Пэдди сама-то была еще почти подросток, но детей своих полюбила и делала для них все возможное и невозможное. Потому дети толстели, а мать теряла силы.

Первые пятна проявились у щенков через две недели. А через полтора месяца стало понятно, что окрас у всех восьмерых прекрасный и стоят они очень дорого – Пэдди сама слышала, как хозяин сказал об этом одному незнакомцу, который приехал на ферму. Детей Пэдди еще не перестала кормить, и они, быстро съев все, что бросил хозяин, по привычке бежали к ней за молоком. А потом дружно засыпали в старом ящике, который служил им постелью.

Но однажды Пэдди проснулась и увидела, что щенки исчезли. Она обыскала весь дом и весь двор. Щенков не было. Она бросилась к дороге взглянуть, не случилось ли там с ними несчастья. Потом побежала по дороге, удаляясь все дальше от дома, то и дело останавливаясь и призывая детей лаем. Никто не отзывался. Через некоторое время зарядил дождь. Пэдди представила себе, как ее дети, мокрые и продрогшие, ищут и не могут найти дорогу домой, оста-

новились и залаяла громче прежнего. Из-за дождя она не заметила машину, которая едва ее не сбила. Спаслась Пэдди, сделав невероятный, отчаянный прыжок, при этом угодив в канаву и с головой окунувшись в жидкую грязь. Когда она добралась до того самого луга, где встретила своего мужа, Пэдди уже едва стояла на ногах. Там ей вспомнилось ее короткое счастье, и горечь утраты стала вовсе невыносимой. За весь тот день Пэдди не съела ни кусочка – фермер кормил собак только раз в день, вечером. В конце концов, обессилив от усталости и горя, бедняжка упала на мокрую дорогу и не захотела больше подняться. Там ее вскоре и нашла миссис Душечка.

На этом Пэдди закончила свою историю, утаив от Понго лишь одну мелочь – что ее с детства звали Пятнышком, – ибо новое имя понравилось ей куда больше старого.

Понго от всего сердца пожалел бедняжку и постарался утешить, как мог. Едва ли щенки заблудились, сказал он. Скорее всего, их продали – может быть, тому самому незнакомцу, который приехал на них взглянуть. В этом нет ничего плохого, поскольку – если они действительно дорогие – за ними теперь хорошо ухаживают. На ферме они так и жили бы впроголодь. Пэдди с ним согласилась. У нее наконец отлегло от сердца: конечно, Понго прав, а с ней рядом, под боком, лежат два крохотных щеночка. Пэдди повеселела и быстро забылась сытым, приятным сном.

Понго долго пролежал без сна, рисуя себе картины, как они вместе с Миссис и со щенками лежат в темной кухне и глядят на огонь. Потом огонь угас, и в кухне остался лишь свет от уличного фонаря, падавший через окно. Но к тому времени уснул и Понго. В соседней корзине спала Пэдди. И два щенка, прожившие на свете первый день своей жизни, тоже мирно посапывали, будто под боком у матери.

Этажом выше в шкафу Миссис дала ужин первой восьмерке, после чего немного устала. Мистер Душечка тем временем накормил вторую пятерку и тоже устал, да причем так устал, что выполз из шкафа на четвереньках. Миссис Душечка отвела его в постель, уложила и напоила горячим молоком из Большого Термоса. Спать они легли, оставив дверь в спальню открытой, на случай если ночью Миссис что-нибудь понадобится, но Миссис спала спокойно, хотя весь вечер думала о странной незнакомке, которая поселилась в доме, в кухне рядом с Понго. Миссис несколько не волновалась, а просто об этом *думала*.

На самом же верхнем этаже уснули старые Нанни, и одной приснились щенки в детских пеленках, а другой дети в щенячьих шкурках.

Сон приснился каждому из членов семейства, которых общим числом, считая людей, щенков и собак, стало двадцать два, отчего дом их превратился в ту ночь в самый сонный дом во всем Лондоне.

Глава 4. Два визита Круэллы де Вил

На следующий день в кухню перенесли еще пятерых щенков, и Пэдди прекрасно их накормила. Так что мистер Душечка смог наконец отправиться на работу. Впрочем, отсутствовал он недолго и быстро вернулся, чтобы опять помогать собакам, но застал в шкафу за этим занятием миссис Душечку, а в кухне обеих Нанни. Сначала мистер Душечка почувствовал даже некоторую досаду, однако быстро с ней справился, потому что в конце концов самое главное было всех кормить и при этом беречь силы Миссис и бедной отощавшей Пэдди.

Пэдди уже соорудили собственную постель, для чего выделили ящик в комод, в котором было достаточно темно для щенячьих глаз. Глазки у щенков открылись на восьмой день. А еще через неделю появились и пятнышки.

Как все обрадовались, когда мистер Душечка обнаружил первое! Потом пятна стали появляться быстро, одно за другим, – хотя, конечно, их все равно было не столько, сколько у взрослых, последние пятнышки у далматинцев проявляются к полугоду. Зато уже через несколько дней щенков стало можно различать. Их оказалось семь девочек и восемь мальчиков. Самой хорошенькой стала та самая слабенькая малышка, которую вернул к жизни мистер Душечка. В деревнях самому слабому и маленькому поросенку в помете частенько дают прозвище Охвостыш. Мистер Душечка вспомнил об этом и решил назвать крошку Хвостиком – очень даже хорошее имя, если произносить его ласково.

А самым крупным и сильным среди всех так и остался щенок с черным пятном на ухе, получивший прозвище Клякса. Клякса все время старался не отходить от Хвостика, будто взял ее под свою защиту. Еще один щенок был смешной и толстый и всегда попадал впросак, и его называли Пудингом. А другой был необыкновенный красавчик, у которого пятнышки на спине сложились в идеально правильную подкову, и этого щенка называли Счастливым. Счастливчик оказался до ужаса энергичный, и всем стало понятно, кто в этой семье скоро будет главный проказник.

Однако несколько дней спустя после появления первых пятен случилось и одно печальное событие: у Пэдди пропало молоко. Пэдди очень огорчилась, потому что успела полюбить своих семерых питомцев. И очень испугалась. Теперь пользы от нее никакой, значит, ее, чужую собаку, прогонят из дома, где впервые она наелась досыта. Но еще больше, чем теплую постель и полную миску, Пэдди не хотелось терять любовь. Здесь она обрела семью. И мысль о том, что с ней скоро придется расстаться, была для бедняжки невыносимой.

Всем известно, что происходит с собакой, когда она становится не нужна. Сердце у Пэдди щемило от страха.

Утром, едва обнаружив, что у нее больше нет молока, несчастная, Пэдди выбралась из комода и увидела миссис Душечку, которая пила в кухне чай вместе с обеими Нанни. Миссис Душечка протянула собаке кусочек печенья. Пэдди его не взяла. Только положила голову на колени хозяйке и тихо застонала.

Миссис Душечка погладила ее и сказала:

– Бедняжка Пэдди! Как бы мне хотелось, чтобы ты поняла: мы все вместе выкормим твою семерку, и не о чем волноваться. Милая Пэдди, ты чудесно их моешь, так чудесно согреваешь их по ночам. Ты нам очень, очень нужна.

Миссис Душечка и думать не думала, что собака ее поймет. Она хотела только подбодрить Пэдди лаской. Но Пэдди, каждый день выучивавшая теперь какое-нибудь новое слово, прекрасно все поняла. И до того возликовала, что просто не знала куда деваться от счастья. Впервые в жизни она обрадовалась по-настоящему, и подпрыгнула, поцеловав миссис Душечку, и бросилась обратно в комод умывать малышей.

Через несколько дней ее щенки и сами научились пить из блюдца молоко, а еще через несколько – есть молочный пудинг и хлеб, вымоченный в подливке. Все они подросли, им уже не хватало места в шкафу и в комод. Миссис и восемь ее щенков переселились в прачечную, а Пэдди со своими остались в кухне, где малыши без конца попадались под ноги обеим Нанни, отчего те пугались до смерти.

– Очень жаль, что и этих нельзя отправить в прачечную, – как-то утром сказала Нанни Повар.

– Миссис может их покусать, они для нее теперь все равно что чужие, – сказала Нанни Мажордом. – А кроме того, Миссис может подраться с Пэдди.

Понго, услышав такие слова, решил что-нибудь предпринять. Он-то хорошо знал: что бы там ни сделала в такой ситуации другая, *обыкновенная* собака, его Миссис своих детей непременно признает и уж ни за что не подерется с Пэдди. Потому через щель под дверью он перекинулся с женой парой словечек и в тот же день, когда обе Нанни ушли наверх, прыгнул на дверь и с размаху ее открыл. Миссис и восемь щенков немедленно выбрались наружу, и когда обе Нанни снова спустились вниз, то обнаружили в кухне все семейство – Понго, Миссис, Пэдди и пятнадцать щенков, которые весело играли вместе и так перемешались, что уже никто не смог бы разобраться, где чей.

В конечном итоге всех щенков переселили в прачечную. Дверь оставили открытой, но вход перекрыли широкой доской – чтобы не разбежались щенки, но чтобы Миссис и Пэдди могли выйти, если им что-то вдруг понадобится в кухне.

К тому времени уже наступил декабрь, однако дни стояли хорошие и на удивление теплые, так что щенков часто выпускали поиграть на «участке». Там они находились в полной безопасности – на калитке установили тугую пружину, и открыть ее щенки не могли. Однажды утром, когда все три собаки вместе со всеми пятнадцатью щенками вышли подышать воздухом, Понго заметил возле ограды высокую женщину, которая остановилась возле их дома и разглядывала щенков.

Он мгновенно ее узнал. Это была Круэлла де Вил.

Круэлла была, как обычно, в своем совершенно простеньком белом норковом манто, однако на этот раз под ним виднелся пиджак из темной норки. Еще на ней была шляпа из меха, ботинки с меховой оторочкой, а на руках красовались меховые перчатки.

– Интересно, в чем она будет ходит, когда и впрямь ударит мороз? – подумала Нанни Мажордом, которая как раз вышла взглянуть на собак.

Круэлла открыла калитку и пошла вниз по ступенькам, расточая похвалы «преlestным крошкам». Счастливчик, уже приобретший репутацию первого проказника, подкрался к ней сзади и впился в меховую оторочку ботинка. Круэлла взяла его на руки и приложила к манто, словно он был кусочек меха.

– До чего прелестная подковка, – сказала Круэлла, разглядывая пятнышки у него на спине. – Впрочем, тут все прелестные. Их уже можно забрать от матери?

– Скоро будет можно, – сказала Нанни Мажордом. – Только мистер и миссис Душечка решили щенков не продавать.

Иногда обе Нанни между собой высказывались по этому поводу не совсем одобрительно.

– Очень мило! – сказала Круэлла и повернула обратно, так и не опустив Счастливчика. Понго, Миссис и Пэдди хором подняли громкий лай, а Счастливчик вытянул шейку и укусил Круэллу за ухо. Та вскрикнула и его уронила. А Нанни Мажордом, проявив чудеса проворства и ловкости, поймала щенка в передник.

– Ну что за женщина! – сказала Нанни Повар, которая тоже вышла из дома. – От одного ее вида даже пятнышки и те могут побледнеть от страха. В чем дело, Счастливчик? – спросила она, потому что щенок стрелой метнулся назад в прачечную и принялся жадно пить воду. У Круэллы даже ухо оказалось перченое.

Щенки с каждым днем становились все сильнее и все самостоятельней. Подкармливать их стало не нужно, они прекрасно управлялись не только с молочным пудингом или хлебом, вымоченным в подливке, но и с кусочками мяса. Каждое утро Миссис и Пэдди с удовольствием оставляли их на час-другой и шли на прогулку, прихватив с собой миссис Душечку и

Нанни Мажордом, а Нанни Повар тем временем готовила обед и приглядывала за щенками. Но однажды, едва она их выпустила, в дверь позвонили.

Это снова была Круэлла де Вил, которая, услышав, что миссис Душечки нет дома, все равно попросила разрешения войти и подождать. Она тараторила и тараторила и засыпала Нанни Повар бесконечными вопросами про щенков и Душечек, и та наконец потеряла терпение и сказала, что ей пора идти и впустить щенков в дом, потому что на улице ветер и холодно. А Круэлла тогда сказала, что лучше пойдет в парк и поищет миссис Душечку там.

– Только позвольте-ка я взгляну, вдруг она уже возвращается, – сказала Круэлла, быстро подойдя к окну.

Нанни Повар тоже подошла к окну с намерением показать гостье короткую дорожку к парку, которой обычно миссис Душечка и Нанни Мажордом водили собак. Возле дома стоял небольшой черный фургон. Едва Нанни Повар выглянула в окно, как фургон в ту же секунду завелся и на большой скорости отъехал от дома.

Круэлла тоже вдруг заторопилась. Почти бегом она выскочила за дверь и спустилась с крыльца.

«Никогда бы не подумала, что в этих ее мехах можно двигаться с такой скоростью, – пробормотала по себе Нанни Повар, закрывая за ней дверь. – А бедные мои щеночки в тоненьких своих шубках, наверное, совсем замерзли».

Она заторопилась в кухню и распахнула нижнюю дверь.

На участке было пусто.

– Они решили поиграть со мной в прятки, – сказала себе Нанни Повар. – В прятки. – Нанни прекрасно понимала, что на этом крохотном пятачке пятнадцати щенкам спрятаться совершенно негде. Но все равно заглянула по очереди в каждую щелку, куда не поместилась бы даже мышь. Калитка стояла закрытая, справиться с пружиной щенки не могли. Но все равно бедная Нанни Повар выбежала на улицу и принялась искать их там.

– Украли, – наконец простонала она и залилась слезами. – Ну конечно, их увезли в черном фургоне.

А Круэлла де Вил, наверное, передумала идти в парк. Потому что она быстрым шагом двигалась в сторону своего дома.

Глава 5. Так и знай, так и знай, пес всегда поднимет лай!

Нанни Повар, обливаясь слезами, смотрела на дорожку к парку. На ней как раз появились собаки, миссис Душечка и Нанни Мажордом. И когда Нанни Повар увидела, какие они идут с прогулки счастливые, не зная, что с каждым шагом приближаются к несчастью, сердце у нее едва не разорвалось от горя.

Едва они перешли Большое кольцо, Нанни кинулась к ним навстречу и попыталась все рассказать, но слова ее утонули в рыданиях, и миссис Душечка не сразу поняла, в чем дело. А собаки не стали дожидаться конца рассказа и, услышав одно только слово «щенки», помчались вперед и забегали, закружили вокруг дома, обнюхивая каждый угол. Миссис и Пэдди то и дело поднимали вой, а Понго яростно лаял.

Оставив собак, бегавших вокруг дома, и старых Нанни, рыдавших друг у друга на плече, миссис Душечка бросилась в дом и позвонила мужу. Мистер Душечка немедленно вернулся с работы, причем в сопровождении Главных Сыщиков Скотланд-Ярда. Самый Главный Сыщик обнаружил на перилах ограды джутовую нитку и сказал, что щенков, должно быть, сунули в мешки и увезли в том самом черном фургоне. Он пообещал сделать все возможное и прочесать сверху донизу все *Лондонское Дно*, посоветовав однако предложить ворах награду за возвращение, иначе надежды снова увидеть щенков почти нет. Мистеру Душечке показалось весьма необычным платить грабителям, однако спорить он не стал.

Не откладывая дела в долгий ящик, мистер Душечка тут же отправился на Флит-стрит, где уговорил издателей дать объявление на первых страницах вечерних газет самыми большими буквами (что стоит очень дорого), а также на первых страницах утренних газет (что стоит еще дороже). Больше ни он, ни миссис Душечка ничего не могли поделать. Оставалось лишь утешать друг дружку, своих старых Нанни и бедных собак и ждать. Обе Нанни успокоились быстро и, решив тоже сделать что-нибудь для всех полезное, приготовили отличный обед, который, впрочем, так и остался не съеден, потому что есть никому не хотелось. Потом наконец наступила ночь, и осиротевший дом погрузился в тишину.

Три обессиленные от горя собаки улеглись в корзинках возле камина.

– Хвостик, маленькая моя, – прорыдала Миссис. – Подумать только, ее затолкали в какой-то мешок.

– Клякса не даст сестренку в обиду, – утешительно сказал Понго, хотя сам был не слишком уверен в своих словах.

– А Счастливчик такой отважный, – заплакала Пэдди. – Он непременно укусит кого-нибудь, и его того и гляди убьют.

– Не убьют, – сказал Понго. – Щенков украли, потому что они дорого стоят. Так что никого не убьют. Щенки ценятся только живые.

Но едва он произнес эти слова, как в голову пришла мысль, до того страшная, что он сам поначалу от нее отмахнулся. Однако мысль не исчезла и не только осталась, а стала крепнуть и обретать все больше смысла, так что Понго не отмахнулся от нее, а лежал и думал всю ночь. Миссис с Пэдди давно уснули, а он лежал с открытыми глазами и грыз ивовый прут, выданный из корзинки, точно так, как любой мужчина, окажись он на его месте, стал бы грызть трубку.

Человек, не знакомый с Понго, мог назвать бы его как угодно – красавцем, проказником, но только не умницей. Даже Душечки не до конца понимали, до чего у них умный пес. Понго любил подурачиться. Любил побегать за мячом или палкой, любил взгромоздиться на колени, хотя давно там не умещался, или перевернуться на спину, чтобы ему почесали живот. Откуда

кому было знать, что за симпатичной ребячливой внешностью скрывается один из наилучших умов *Собачьего Мира*?

Теперь этот ум заработал. Всю долгую декабрьскую ночь Понго пытался сложить два и два и всякий раз получал в итоге четыре. (Впрочем, дважды ему почти удалось получить пять.)

Наконец он решил не тревожить Миссис с Пэдди беспочвенными подозрениями. Бедный Понго! Ему было больно и страшно не только за детей, но и за обеих матерей. (Понго, давно считая Пэдди второй матерью своих щенков, ни разу не подумал о ней как о второй жене – он смотрел на нее как на сестру.) В ту ночь Понго принял решение молчать до тех пор, покуда не подтвердятся самые худшие его опасения. Но сначала требовалось сделать одно важное дело. Именно его Понго и продолжал обдумывать, когда в кухню спустились обе Нанни, чтобы приготовиться к новому дню.

Как он любил всегда эти утренние часы, когда в камине снова загорался огонь, в мисках появлялась еда, а проснувшиеся щенки весело носились по кухне и вертелись у всех под ногами. Но в то утро думать о щенках – как сказала Нанни Мажордом – было невыносимо. Правда, она все равно о них думала, и не только она, а все, кто жил в этом осиротевшем доме.

День не принес хороших новостей, никаких, кроме разве того, что утром Душечки, обнаружив чисто вылизанные миски, приятно удивились. (Понго велел Миссис и Пэдди есть, сказав: «Вы, девочки, обязаны беречь силы».) Потом Понго и Миссис вполне доходчиво объяснили Душечкам, что хотят на прогулку, и Душечки удивились еще больше. Пэдди осталась дома. Ей пришлось остаться на случай, если кто-нибудь из щенков вернется и его нужно будет умыть.

На улице наконец похолодало – до Рождества оставалась неделя.

– Нужно одеть на Миссис пальтишко, – сказала миссис Душечка.

Это было прелестное пальтишко, голубое с белыми тесемочками, и Миссис им очень гордилась. Пальто были и у Понго с Пэдди. Но Понго от пальто отказался, ясно дав понять, что прекрасно обходится и без него.

Когда Миссис была готова, на обоих одели замечательные ошейники из металлических цепочек. После чего собаки взяли Душечек на поводок и отправились в парк.

Душечки сразу догадались, что собаки отлично знают, что им нужно. Не останавливаясь, уверенным шагом они пересекли парк, перешли Большое кольцо и вывели Душечек к Первоцветной горке. Душечек, однако, сам этот марш не удивил, поскольку дорожка была знакомая и всеми любимая. Но вот поведение собак на горке очень даже их удивило. Не останавливаясь, Понго с Миссис быстро поднялись на самый верх, встали рядом и громко залаляли.

Сначала они лаяли носом к северу, потом повернулись к югу, потом к востоку и к западу. И, что-то трижды пролаяв, каждый раз сначала стояли молча, будто чего-то ждали, а потом разворачивались и лаяли снова, резко и коротко.

– Будто они подают кому-то сигнал, – сказал мистер Душечка.

На самом же деле он так не думал. Но собаки и вправду подавали сигналы.

Многие из вас наверняка замечали, что, едва день начинает клониться к вечеру, собаки часто поднимают лай. Когда-то давно в деревнях сумерки даже называли «часом собачьего лая». В шумном городе его слышно реже, но и городские собаки не забывают обычай. Они стараются выйти на улицу, чтобы послушать друг друга, передать привет приятелям, которые переехали и живут далеко, сообщить друг другу важные новости или просто посплетничать и поболтать. Однако в тот день все, кто слышали Понго и Миссис, сразу думать забыли о сплетнях, ибо три отрывистых резких слова на собачьем языке означают: «Помогите! Помогите! Помогите!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.